

22. Сташкевич, Н.С. Непазбежнае банкруцтва: з гісторыі краху нацыяналістычных партый у Беларусі. 1917–1925 гг. / Н.С. Сташкевич. – Мінск, 1974. – 140 с.

23. Сташкевич, Н.С. На пути к истине: Из истории национально-освободительного движения в Белоруссии. 1917 год / Н.С. Сташкевич. – Минск, 1983. – 125 с.

24. Сташкевич, Н.С. Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии: 1917–1925 / Н.С. Сташкевич. – Минск: Университетское, 1985. – 302 с.

АВТОБИОГРАФИИ В ПАМЯТИ О СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ: ЖЕНСКИЕ РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

Рогач С. А.

г. Минск, БНТУ

Целью данного исследования было рассмотрение взаимосвязи и отличий общепринятых трактовок истории и индивидуальных переживаний тех людей, которые оказались лично включенными в процесс исторических катаклизмов. Работа строилась по материалам интервью с двумя женщинами-родственницами по поводу их воспоминаний о Великой Отечественной войне.

Методологической опорой для данного исследования послужил синтез биографического метода (на основе глубинного интервью), устной истории, герменевтического подхода и дискурс-анализа.

Исследование основано на сборе и анализе материалов интервью, взятых из аудио и видеозаписей – в зависимости от выбранного собеседниками варианта – у двух моих старших родственников (в 2012–2015 гг.). Беседы касались воспоминаний о лично пережитом ими во время Великой Отечественной войны. Первые интервью проводились с родной бабушкой – Софией Герасимовной Масарновской (1919–2015 гг.), а затем – с ее сестрой Клавдией Герасимовной Канашевич (род. в 1929 г.) (фамилии обеих по рождению – Ситник). Транскрибирование записей делалось без лингвистических исправлений.

С самого начала исследования женщинам была предоставлена возможность свободно строить свои воспоминания с собственными интерпретациями важных, по их мнению, событий. Данный метод исследования можно отнести к использованию эго-документов

(т.е. автобиографий при наличии в них уникальной информации о личной повседневной истории в контексте глобальной трагедии).

К исследованию меня подтолкнули случайно начавшиеся в последние годы жизни бабушки беседы о ее личной жизни и близких родных. Они растянулись на несколько лет, а в последующем, в 2014 – 2015 гг., стали организовываться специально. Любопытно, что на фоне обычной повседневной рутины большинство рассказов концентрировались именно на периоде Великой Отечественной войны. Отчасти это объясняется возрастом бабушки в военное время (21–25 лет), но также и тем, что на этот период пришлись самые трагичные события и переживания в ее жизни. Впервые за многие годы ей захотелось вести эти рассказы, а у меня появилась возможность облегчить ее желание раскрыться, озвучить и передать суть всей этой драмы, ставшей стержнем ее настроения и поступков на все последующее время жизни. Немного позже появилась возможность для проведения схожих бесед и с ее родной сестрой.

В отличие от своего мужа (т.е. моего дедушки), бабушка никогда письменно не фиксировала свои воспоминания о пережитом (и долгое время даже очень близким людям подробно их не высказывала). Т.е. в отличие от мужа, мемуаристской не стала (хотя у неё было хорошее для того времени образование – специальное среднее, полученное в техникуме).

У бабушки брали интервью журналисты, есть у нее собственные статьи с историями о войне в районных газетах. Но они написаны в официальном стиле и готовились к определенным государственным датам (во время юбилеев празднования дня Победы).

Обе сестры, как и большинство людей, смотрели, читали, слушали от других людей похожие рассказы. Поэтому официальная общая «История» стала частью их памяти (что проявлялось во всех интервью). В то же время, в их рассказах имели место и выпадавшие из официальной военной темы очень интимные нюансы (избиения полицией, приставания с их стороны, изнасилования других женщин-родных, попытки – удачные и провальные – прятать и спасать евреев, цыган, детей, взрослых, а также советских военных).

Во время войны бабушка вынуждена была не один раз переезжать (а вернее, перемещаться пешком) от одних родных к другим, т.к. уже была замужем, но муж воевал и затем попал в плен. Она успела закончить техникум буквально перед самым началом войны

(хотя не успела получить свой диплом). Ее родная сестра Клавдия была моложе на 10 лет (в начале войны ей было 11).

Таким образом, и возраст, и уровень образования по-разному сказались на их памяти о войне. Одна застала войну уже взрослой, другая – ребенком. Одна была замужем, у другой (по ее собственному рассказу) еще не было ожиданий любви. Необходимость проходить временами десятки километров (от одних родных к другим, в больницу или обратно, в партизанский отряд и назад в деревню) фактически делали условия их выживания, как и у большинства, сверхсложными и опасными. Одновременно с этим нахождение в постоянном стрессе серьезно повлияло на высокую степень фиксации в памяти значительного числа тех событий и ситуаций. А в последующем, то есть уже в настоящее время, это поспособствовало четким воспоминаниям о пережитом и их яркому описанию.

То, что бабушке Софье пришлось во время войны быть связной, подчеркивалось в ее воспоминаниях не как побочное дело, а как важнейшая часть собственной жизни. Ее история строилась не по схематичному пересказу общеизвестных событий войны, а на первое место ставились личные впечатления. Постоянные стрессы, получаемые во время войны, приводили к тому, что, по словам бабушки, ценность жизни серьезно упала. Т.е. чувство самосохранения постепенно ослабевало, а на фоне пережитых катастроф ценностью становилась взаимопомощь друг другу.

Еще одной особенностью, по описанию бабушки, были постоянные приставания, унижения со стороны полицаяев (один из них, родом из той же деревни, не давал покоя бабушке, а однажды, после ее отказа, ударил прикладом). Это был для нее настоящий ужас, и она уже готовилась к смерти (тем более с другими – близкими или дальними родными – уже случались печальные истории, с изнасилованием или даже гибелью). Но обычное везение при каждодневных случайностях отвело от нее лично эту опасность в сторону. Рутинными трудностями для женщин были и периоды месячных. По словам бабушки, во время войны с этим было особенно тяжело – из-за нехватки тканей, которые обычно в этих делах использовали.

Бабушка так же подробно рассказывала о своей кузине Александре, с которой они вместе были партизанскими связными. Обе успели получить хорошее образование до войны и были не только родными, но и подругами. Это же, по мнению бабушки, помогало

их успеху в совместной подпольной работе. Особо стоит выделить историю спасения бабушкой одной пары – мужа и жены, белоруса и еврейки – в то время, когда бабушка сама попала в больницу (это произошло из-за переохлаждения зимой в погребке, куда ее спрятали на целый день от полицаев, собиравших в разных домах молодых женщин для их отправки на работу в Германию):

«София Масарновская: - Я прыйшла [в больницу], а там работала маладая яўрэчка, але пахожая на русскую, але немцы не ведали. А другая уборшчыца бегает и кажа: «Гэта яўрэчка». Ну, дык я кажу: “Ты можеш пайти”. И помогла. И я написала, как им исци да партызан. Их долго спрашивали, почему они пришли. Но потом их взяли в отряд».

В целом бабушкина история войны – не героическая, а драматическая. То есть большинство ее рассказов строилось не из невыносимых ужасов или ярких побед, а как описание повседневной, хотя и трагической жизни.

Рассказы младшей сестры, Клавдии, из-за ее возраста во время войны и неполного школьного образования имеют другие особенности. Совсем юной девочке сначала трудно было разобраться в происходящем вокруг, и поэтому на это она реагировала по-своему:

«Клавдия Канашевич: - Я ишла... ишла каля раки. Я иду, гавараць – «Вайна. Вайна!» Разве я панимала, што такое вайна?. А патом паняла, што за вайна. Ну... Страшна было. Ну, што я помню? Немцы прыляцели, пустыя аэрадромы бамбили. Мы на вулицу выйшли, трасёцца усё. Бамбязць.».

Весьма специфичны в ее описании и истории с партизанами, к которым сначала относились с подозрением и опаской: “Партизаны и ноччу прыходзяць. Просяць: “Дайце паесци, дайте надзець што”. Ну, им жа ж нада. Ну, усё, – што было, атдавали. Вот усё».

Особое переплетение драматизма и обыденности заметно в одновременном описании Холокоста и личных опасностей гибели:

«К.: У Багушэвичау яўрэяў прывезли, забилі. Возле Багушэвич, яму выкапали. И ўсех. Выйдзеш вечарам ва двор, дзярэўні гараць. Палили людзей, дзяцей. Наша дзярэўня яшчэ асталася. Если забьюць немца, яны забивали усю дзярэўню. Я кажу сама сабе: “Ёлки-маталки! А ты прыйшоу на маю зямлю и нас бандитами завеш!”

Таким образом, в ходе исследования я пыталась провести сравнительный анализ воспоминаний, рассказов, реакций двух жен-

щин – участник Великой Отечественной войны, а также своих собственных размышлений о восприятии «другого родного» нарратива.

В моем исследовании предполагалась не «реконструкция военного прошлого», не расширение классической версии национальной истории, а попытка осмысления индивидуальных переживаний, «утраты» и «возвращения» (или другими словами, конструирования и переработки) частных семейных историй из памяти нескольких родственниц (включая меня) – на фоне общей «Истории» войны.

В профессиональном плане, как историк, по итогам исследования я бы отметила следующие проблемные моменты в истории повседневной памяти о Великой Отечественной войне:

1) значительный временной разрыв между анализируемыми историями прошлого и степенью доступности к ним сегодня, а точнее, ограниченность воспоминаний и, соответственно, специфика самих рассказов свидетелей;

2) травматический опыт из-за участия в событиях военной эпохи, ведущий к замалчиванию, внутренней цензуре в отношении части давних трагичных историй;

3) особенности повседневной жизни во время войны и вариантов ее описания (начиная с возраста свидетелей, места, в котором они находились, когда узнавали о начале войны);

4) различие и противоречия в рассказах респонденток об общих фактах их жизни в период войны, с последующими оценками;

5) влияние сформировавшегося в предыдущие десятилетия советского нарратива о «Великой Отечественной войне», а также его современной официальной (медийной) версии (рассказы о прошлой войне и информация о современных политических конфликтах);

6) социально-политические и исторические условия жизни интервьюируемых на территории Беларуси (накануне, во время и после анализируемых событий);

7) эмоциональное описание и одновременно рационализация насилия в период войны (включая и личные телесные травмы, и увиденное в отношении других людей);

8) особые, «не мужские», опыты женщин во время войны (а также разрыв между «мужскими» и «женскими» мифологиями о войне).

В качестве итога данный текст я бы обозначила как трехголосый (или полифонический), т.е. состоящий из нескольких смысловых

пластов. В его пространстве присутствуют голоса двух сестер, одна из которых «прошла» войну, другая ее «прожила». Третий голос – мой собственный, как родственницы и исследовательницы. В своей совокупности все три голоса отражают и три уровня истории: 1) официальную интерпретацию Войны, т.е. как мы ее теперь знаем из учебников или фильмов; 2) «свою» историю, переработанную и включенную в память личного опыта; 3) а также мою личную рефлексию по поводу первых двух вариантов и сформировавшейся собственной исторической картины.

В научном плане исследование помогло расширению и изменению образа прошлого через его повседневное восприятие.

Использованные источники и литература

1. Реброва И. В. «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей / Сост. Н. Л. Пушкарева. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 605-630.

2. Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах / С. Ушакин // Травма:пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. - С. 5-41.

НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ ПАРТЫЙНАГА КІРАЎНІЦТВА МІЛІЦЫЯЙ БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 1960 – 1980 ГГ.

Саракавік І. А.

г. Мінск Акадэмія кіравання пры
Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь

У сувязі з распадам СССР палітыкі і даследчыкі імкнуцца вызначыць прычыны гэтай з’явы, аб’ектыўна разабрацца ў савецкім дзяржаўным механізме, яго пабудове і дзейнасці, адносінах дзяржавы і грамадства. Не апошняе месца ў гэтым пераліку мае і праблема адносін Камуністычнай партыі да міліцыі, якая ў сілу спецыфікі сваіх функцый, пабудовы, дзейнасці па ахове грамадскага парадку і барацьбе са злачыннасцю займала асабліва важнае месца ў савецкім дзяржаўным механізме ўлады і кіравання. Гэтыя